12+

АЛЕКСАНДР ЖУНТОВ

СОЦИАЛЬНЫЙ АККУМУЛЯТОР

Твоя жизнь — не чужая оценка

Александр Жунтов

Социальный аккумулятор. Твоя жизнь — не чужая оценка

https://litres.ru/74928737
ISBN 9785007173759

Аннотация

Что, если чужое одобрение — единственное, что даёт тебе силы?

На корабле «Криница» детские браслеты считают похвалу. Послушание прибавляет заряд. Несогласие отнимает его. У четырнадцатилетнего Августа осталось двенадцать процентов — и слишком много вопросов.

Однажды после запрещённого ремонта заряд растёт сам. В поисках объяснения Август находит старый дневник и следы чужого молчания. Теперь ему предстоит выяснить, чего стоит право решать за себя в мире, где даже силы нужно заслужить.

Содержание

АЛЕКСАНДР ЖУНТОВ 5
Социальный аккумулятор 6
Содержание 7
Предисловие 8
1. Двенадцать процентов 9
Факт 1. Почему «Криница»? 21
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Социальный аккумулятор
Твоя жизнь — не чужая оценка

Александр Дмитриевич Жунтов

© Александр Дмитриевич Жунтов, 2026

ISBN 978-5-0071-7375-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЕКСАНДР ЖУНТОВ
СОЦИАЛЬНЫЙ АККУМУЛЯТОР
Фантастический роман

2026

Александр Жунтов

Социальный аккумулятор

На корабле «Криница» у каждого ребёнка есть браслет: похвала прибавляет заряд, неодобрение отнимает силы. Четырнадцатилетний Август привык жить с двенадцатью процентами на запястье. Но однажды после запрещённого ремонта цифра растёт сама. Поиски объяснения приводят его к старому дневнику и семи детям, которых корабль предпочёл забыть. Теперь Августу предстоит понять, кто на самом деле нуждается в перезарядке — он или мир, в котором он родился.

Все персонажи, учреждения и события вымышлены.

© Александр Жунтов, 2026

Содержание

Предисловие 4
1. Двенадцать процентов 5
2. Старая оранжерея 21
3. Кабинет три 33
4. Насос 42
5. Цена ремонта 52
6. Вода 62
7. Люди с белыми браслетами 69
8. Белая комната 78
9. Ключ 86
10. Семеро 95
11. Монолог Августа 106
12. День одобрения 112
13. Эпилог. Новый горизонт 122
14. Послесловие 131

Предисловие

Иногда мы так долго ждём одобрения, что перестаём замечать собственные желания. Выбираем слова, которые наверняка понравятся. Соглашаемся раньше, чем успеваем подумать. А вечером не понимаем, почему совсем нет сил: ведь ничего особенного не случилось.

В этой истории одобрение можно увидеть. Оно светится на запястье, прибавляется после похвалы и исчезает после чужого недовольства. На корабле «Криница» такую систему придумали ради порядка. Дети родились уже внутри неё и долго не знали, что бывает иначе.

Август не собирался менять устройство корабля. Ему хотелось починить одну сломанную вещь. Но иногда, чтобы разобраться с небольшой поломкой, приходится спросить, как устроено всё остальное.

Эта книга — о праве задавать такие вопросы. И о людях, рядом с которыми можно не заслуживать каждый следующий вдох.

1. Двенадцать процентов

Корабль дышал.

У входа в жилое кольцо ещё можно было разобрать старое обозначение: «Пионер-7. Программа „Панацея“». Новую табличку прикрутили чуть выше. В детстве Август думал, что у корабля два имени, как у человека имя и фамилия. Потом Лира рассказала про инженера Матвея Криницына и голосование экипажа.

— Он обрадовался? — спросил тогда Август.

— Сказал, что колодец полезнее.

Август не понял шутки. Теперь понимал: инженер, наверное, боялся стать табличкой, которую все уважают и никто не слушает.

Август знал это с детства — не из учебников, не из рассказов взрослых, а из собственного тела. Каждое утро, ещё до сигнала, ещё до того, как открывались глаза, он чувствовал, как «Криница» просыпается вместе с ним: тонкая дрожь в переборках, будто кто-то далеко-далеко провёл ладонью по металлу; гул в трубах, глубокий и ровный, как дыхание огромного зверя; щелчки реле в стенах, отсчитывающие секунды.

На внутренней стороне запястья горело: 12%. Август прикрыл браслет ладонью. Так он делал каждое утро, хотя прекрасно знал: цифра от этого не меняется.

Ему было четырнадцать. В этом возрасте на «Кринице» уже умели не смотреть на чужие браслеты слишком явно. Сначала здоровались, потом будто случайно переводили глаза на руку.

Он лежал в каюте Б-7 — узкой, как пенал, с койкой у стены, откидным столом и иллюминатором размером с ладонь. За иллюминатором не было ничего, кроме темноты и редких звёзд, но Август всё равно смотрел туда каждое утро. Привычка. Как проверять, что ты ещё здесь.

Братья спали: Митя раскинулся на койке звездой, свесив одну ногу, а Тёма свернулся калачиком и тихо сопел, уткнувшись носом в подушку. Август оделся в темноте — комбинезон серый, с двумя карманами на груди и одним на бедре, с нашивкой «Кольцо Г, техсектор» на левом рукаве. На правом рукаве было пусто. Раньше там была нашивка «ученик», но её отпороли после Отчёта. Август сделал это сам, аккуратно, чтобы не порвать ткань. На Отчёте он показал дрон, который останавливался перед препятствием, даже если оператор велел лететь дальше. Настоятельница Вера Ост спросила, зачем машине право не выполнять команду. Август ответил: чтобы не врезаться.

В зале засмеялись. Вера не засмеялась. За техническую работу он получил восемь баллов, за «социальную готовность» — ноль. В итоговую ведомость попала только вторая оценка.

После Отчёта Тайра догнала его у лестницы. «Я не знаю,

как это — не хотеть плюс, — сказала она. — Я не умею». Он тогда ничего не ответил. Крутил в руках нашивку, пока на ней не осталась жирная полоска.

Сигнал прозвучал ровно в шесть — мягкий, трёхтонный, похожий на то, как если бы кто-то провёл пальцем по краю стеклянного стакана. Братья заворочались. Митя что-то пробормотал про дрон. Тёма просто перевернулся на другой бок. Август вышел в коридор.

Коридор Кольца Б тянулся на сотни метров — длинный, узкий, с округлыми стенами, обшитыми панелями цвета старого меда. Панели были тёплые на ощупь — под ними проходили трубы отопления. По потолку змеились кабели и трубки: тонкие, толстые, переплетённые, как корни. Где-то капало — методично, раз в три секунды. Где-то гудело. Где-то пахло свежей выпечкой из столовой на третьем уровне — этот запах Август мог различить даже сквозь запах машинного масла и старой резины, который тянулся из техсектора.

Мимо прошла женщина с ребёнком на руках. Мальчик лет шести дремал, уткнувшись носом в её плечо. Его браслет светился в полутьме: 54%. Женщина кивнула Августу — коротко, без улыбки. На корабле не улыбались незнакомым. Не потому что были злые. Просто экономили. Август иногда думал, что они берегут даже выражения лиц. Усталость здесь замечали только после того, как она попадала в отчёт.

Август спустился по лестнице — металлической, с перилами, отполированными до блеска тысячами ладоней. Сту-

пени скрипели под ногами, и этот скрип был частью утреннего ритуала: сотни детей и взрослых спускались и поднимались по этим лестницам, и каждая ступень знала их всех по имени.

Лестница вела в Кольцо А, в агросектор. Дверь открылась с шипением — герметичная, тяжёлая, — и Августа ударил тёплый, влажный воздух, густой, как сироп. Здесь пахло землёй и зеленью, здесь под потолком горели фиолетовые лампы, влажный воздух сразу оседал на коже.

Здесь начиналась настоящая «Криница».

* * *

Агросектор занимал три уровня и был сердцем корабля — не метафорическим, а буквальным. Если реактор давал энергию, то агросектор давал жизнь: еду, кислород, воду. Здесь росли пшеница и соя, помидоры и огурцы, картофель и капуста. Здесь стояли гидропонные стеллажи — длинные, в шесть ярусов, с подсветкой и трубками, по которым бежала питательная жидкость. Стеллажи тянулись рядами, уходя вдаль, и казалось, что ты идёшь по лесу из металла и зелени.

Август шёл мимо стеллажей с салатом. Листья были яркие, почти неестественно зелёные, и слегка дрожали от вентиляторов. Под стеллажами журчала вода — тонкие струйки бежали по пластиковым желобам, собирались в трубы и уходили вниз, к насосам. Где-то в глубине сектора гудел компрессор, и его гул смешивался с шелестом листьев и плеском воды.

Рядом работала женщина в фартуке — Настоятельница Лира Соль, его мать. Она стояла на коленях у грядки с редисом и что-то проверяла в грунте пальцами, не глядя на датчики. Её руки были в земле — тёмной, влажной, настоящей земле, которую на «Криницу» завезли с Земли двадцать шесть лет назад. Лира проверяла показания рукой: говорила, что одному датчику верить нельзя, да и собственным пальцам полезно иногда устроить проверку.

— Ты опоздал на завтрак, — сказала она, не оборачиваясь.

— Я не опаздывал. Я просто не пришёл.

— Это и есть опоздание. — Она поднялась, вытерла руки о фартук. У неё были такие же глаза, как у Августа — серые, внимательные, с морщинками в углах. — Ты ел?

— Нет.

— Почему?

— Не хотел.

Лира посмотрела на него. Долго. Потом вздохнула и достала из кармана завёрнутый в ткань кусок хлеба.

— Ешь. Это не плюс. Это хлеб.

Август взял. Хлеб был тёплый, с плотной коркой, и пах дрожжами.

— Спасибо.

— Не благодари. Просто ешь. — Она вернулась к редису. — Ты сегодня в техсектор?

— Да. Ким нашёл старый насос в секторе семь. Говорит,

там можно собрать систему полива без электричества.

— Без электричества? — Лира подняла бровь. — Это как?

— Там есть верхний бак. Вода из него сама пойдёт к грядкам, если восстановить старый спуск. Ким говорит, насос можно будет включать реже.

— Бак всё равно надо наполнять.

— Надо. Бесплатную воду мы пока не изобрели.

— И ты в это веришь?

— Верю.

Лира помолчала. Потом сказала тихо:

— Ты знаешь, что я горжусь тобой?

Август замер. Браслет на его руке тихо мигнул.

— Мам, не надо.

— Почему?

— Потому что я не хочу заряжаться от тебя. Это… — он поискал слово, — нечестно.

Лира улыбнулась. По-настоящему, без всякой системы.

— Август, я твоя мать. Я буду гордиться тобой, даже если ты ничего не сделаешь. Это не плюс. Это любовь. Разница есть.

Браслет мигнул снова. 29%.

Лира убрала палец с кнопки подтверждения. Она нажала её почти машинально.

— Видишь? — начала она и осеклась.

Август посмотрел на её руку.

— Мам.

— Да, — сказала она. — Знаю. Прости.

Браслет считал только подтверждённые плюсы. Чужие слова он не понимал. Но взрослые так привыкли отмечать похвалу в системе, что иногда успевали нажать раньше, чем обнять.

«Социальный аккумулятор» — так его называли дети. В инструкции стояло: «Социальный контур регуляции», коротко СОК. Браслет показывал остаток разрешённого заряда и передавал команды маленькому подкожному модулю. При низком заряде модуль навязывал телу тяжесть, сонливость, нежелание начинать. Взрослые называли это бережным режимом.

Электричество устройство получало от своей батареи. Чужое одобрение давало ему разрешение перестать мешать человеку. Этого последнего в детской инструкции не писали.

* * *

Техсектор был полной противоположностью агросектору. Здесь не пахло землёй. Здесь пахло маслом, металлом и горячей проводкой. Здесь не было фиолетовых ламп — только белые, резкие, с холодным светом. Здесь не гудели вентиляторы — здесь гудели трансформаторы, насосы, компрессоры. Здесь было тесно: трубы шли по стенам, по потолку, под полом; кабели свисали с потолка, как лианы; ящики с инструментами громоздились в углах.

Ким ждал его у входа в сектор семь. У него на плече висела сумка с инструментами, а в руке — терминал с открытой

схемой. На носу у Кима была масляная полоса — он вечно тёр нос, когда думал.

— Ты опоздал, — сказал он.

— Все сегодня говорят мне это.

— Потому что это правда. — Ким протянул ему терминал. — Смотри. Вот насос. Вот труба. Вот гравитация. Вот мы.

Август посмотрел на схему. Потом на старый насос — ржавый, покрытый паутиной, но ещё крепкий. Он стоял в углу сектора, заваленный хламом, и тихо гудел, будто дышал. Вокруг него валялись старые фильтры, погнутые колена, мотки проволоки. Пахло ржавчиной и старой смазкой.

— Он работает? — спросил Август.

— Работает. Но слабо. Давление падает. Если почистить и переставить вот эту трубу… — Ким ткнул пальцем в схему, — вода пойдёт сама. Без электричества. Без датчиков. Без разрешения.

— Почему это не сделали раньше?

— Потому что это не в инструкции. — Ким ухмыльнулся. — А всё, что не в инструкции, считается… ну, ты знаешь.

— Знаю. — Август взял гаечный ключ. — По-криницынски.

— По-криницынски, — согласился Ким.

* * *

Они работали на отключённой учебной линии: Ким показал Августу пломбу и нулевое давление на контрольном приборе. Четыре часа ушло только на разборку. Сняли трубу —

она поддалась не сразу, пришлось стучать, ругаться и применять силу. Почистили фильтр — из него вывалился комок старой изоленты и ржавой стружки. Заменили прокладку — Ким нашёл её в ящике с хламом, она была из старого запаса, но в целой упаковке. Переставили колено — тут Август ошибся, поставил не туда, и пришлось переделывать.

Ким ругался. Август молчал. Вокруг них гудел техсектор: трансформаторы подвывали, компрессоры щёлкали, где-то капала вода. Тайра пришла к обеду, принесла три порции супа в термокружках и села на ящик с инструментами.

— Как успехи? — спросила она.

— Плохо, — сказал Ким. — Вода не идёт.

— Почему?

— Потому что Август переставил колено не туда.

— Я переставил туда, — сказал Август. — Просто гравитация думает иначе.

Тайра засмеялась. Впервые за долгое время — легко, без напряжения.

— Гравитация думает иначе, — повторила она. — Это надо записать.

— Запиши, — сказал Август. — Может, пригодится.

Она села рядом. Браслет на её руке показывал 74%. Не 96. Но ей, кажется, было всё равно.

— Сегодня мне дали шесть искр, — сказала Тайра.

— Поздравляю.

— Не надо. Я даже не помню за что.

Она провела пальцем по краю термокружки. Искрами назывались маленькие переводы одобрения между детьми. Каждому полагалось пять в день, и половину школьных разговоров занимало выяснение, кто кому сколько должен.

— А сюда зачем пришла? — спросил Август.

— Суп принести.

— За искру?

— За пустые кружки. Их вообще-то нужно вернуть.

Ким, который копался в трубе, поднял голову.

— Вы двое такие милые, что у меня сейчас суп из ушей пойдёт. — Он вытер руки. — Но я рад. Правда. Только давайте сначала починим насос, а потом будем обсуждать чувства.

— Мы не обсуждаем чувства, — сказала Тайра.

— Конечно, нет. Вы обсуждаете гравитацию. Я слышал.

* * *

К вечеру они починили насос. Вода пошла — сначала тонкой струйкой, потом сильнее, ровнее, с тихим плеском, который показался Августу громче любого сигнала. Ким закричал «да!» и ударил кулаком по трубе. Тайра засмеялась. Август просто стоял и смотрел, как вода наполняет старый резервуар — тёмная, блестящая, живая.

Браслет на его руке показывал 34%.

— Ты видел? — спросил Ким. — Тридцать четыре. Ты почти как нормальный.

— Я и есть нормальный, — сказал Август. — Просто ваша

норма — странная.

* * *

Вечером они сидели в столовой — большой комнате с длинными столами и окнами в коридор. Пахло тушёной капустой с соей и свежим хлебом. В углу кто-то играл на гитаре — тихо, для себя, перебирая струны и что-то напевая себе под нос. Дети за соседним столом спорили, чей дрон быстрее, и их голоса звенели под потолком. Взрослые пили чай и говорили о насосе — тихо, вполголоса, но Август слышал.

— Говорят, вы починили без допуска, — сказал мужчина за соседним столом. У него было усталое лицо и мозолистые руки — он работал в агросекторе, как мать Августа.

— Правда, — сказал Ким.

— И вода идёт?

— Идёт.

Мужчина помолчал. Потом сказал:

— Молодцы.

Браслет Августа мигнул. 36%.

— Это считается? — спросил Ким шёпотом.

— Не знаю, — сказал Август. — Но приятно.

* * *

Ночью Август проснулся от короткой вибрации. На браслете появилась строка: «Самовольное изменение учебной установки. Списание: 24».

Двенадцать процентов. Опять.

Он открыл журнал начислений. Между маминым плюсом

и похвалой в столовой стояла маленькая серая отметка. Без имени отправителя. Пять единиц, полученных во время ремонта.

Август сел на койке. Он помнил тот момент: вода наконец потекла, Ким ещё не успел закричать, Тайра стояла спиной. Никто ничего ему не отправлял.

Он сохранил снимок экрана. Через секунду отметка исчезла из журнала.

Внизу появилась надпись: «Ошибка отображения исправлена».

Август смотрел на неё до тех пор, пока экран не погас. Потом осторожно разбудил Митю, лежавшего ближе к его терминалу.

— Подай, пожалуйста.

— Пожар?

— Нет.

— Тогда зачем ты живой в такое время?

Август не ответил. Он писал Киму: «Завтра. Старые логи. Кажется, я нашёл ошибку, которую кто-то очень не хочет показывать».

Факт 1. Почему «Криница»?

Корабль назван в честь Матвея Криницына — главного инженера, который руководил строительством. Он же придумал резервный режим «Автономия». Совет хотел назвать корабль «Пионер-7» — по номеру в программе «Панацея». Но экипаж проголосовал против. Говорят, когда Криницын узнал, что корабль назвали в его честь, он сказал: «Лучше бы назвали в честь колодца. Колодец полезнее». С тех пор главный резервуар с водой на борту называют «Криницей» — и это имя прижилось больше, чем официальное.

2. Старая оранжерея

В секторе четыре пахло старой землёй. На потолке сохранился круг искусственного солнца; половина ламп давно не работала. Ким провёл пальцем по ржавому дождевателю.

— Здесь первые три года выращивали пшеницу. Потом полив залил один край и высушил другой. Половину урожая потеряли.

Под стеллажом лежал старый колос, рассыпавшийся от прикосновения. Август оставил его на месте. В учебнике переход к гидропонике занимал две строчки. Здесь он занимал целое помещение.

На следующий вечер они пришли в сектор четыре. За день заряд Августа поднялся до тринадцати: Митя вернул ему одну искру за починенный фонарик. Август принял перевод и весь день злился на себя за облегчение.

Сектор пах не пылью, как ожидал Август. Он пах мокрой землёй и чем-то кислым, будто где-то давно прокис компот и никто не вылил. Ким шёл первым, подсвечивая дорогу карманным фонарём. Луч выхватывал из темноты пустые стеллажи — металлические, ржавые, с погнутыми полками. Засохшие стебли в горшках — тонкие, коричневые, они давно превратились в труху. Трубы под потолком, покрытые зелёным налётом. Где-то капала вода — методично, раз в пять секунд.

— Здесь раньше росла пшеница, — сказал Ким, не обо-

рачиваясь. — Настоящая. Не гидропоника. Отец говорил, первые годы на «Кринице» пытались всё делать по-земному. Земля, грядки, дождь.

— Дождь? — переспросила Тайра. — На корабле?

— Была система орошения. Потом сломалась. Потом её отключили. Потом решили, что гидропоника эффективнее. — Он остановился у ржавой двери в конце коридора. — А это — архив.

Дверь открылась с таким скрипом, что Август вздрогнул. За ней оказалась маленькая комната — тесная, забитая старыми терминалами. На стенах висели пожелтевшие схемы — чертежи, диаграммы, какие-то графики. В углу стоял ящик с бумажными папками — настоящими, из целлюлозы, потрёпанными, с загнутыми уголками.

— Бумага? — Тайра недоверчиво коснулась папки. — Кто тратил ресурсы на бумагу?

— Те, кто строил корабль, — сказал Ким. — Они не во всём полагались на системы. У них был принцип: «Если это важно, запиши дважды. Один раз в машину, один раз в руку».

Август подошёл к терминалу. Экран был тёмный, но под ним, в слоте, лежал старый чип — потёртый, с царапинами.

— Это первые логи? — спросил он.

— Не только. — Ким вынул чип, протёр контакты и снова вставил его в слот. Экран загорелся тусклым зелёным. — Это дневник главного инженера. Его звали… — Ким при-

щурился. — Матвей Криницын.

Тайра фыркнула.

— Криницын? Как корабль?

— Вот именно, — сказал Ким. — Корабль назвали не в честь колодца. Корабль назвали в честь человека.

Август наклонился к экрану. Текст был старый, с ошибками, будто писали быстро.

Запись 001. Матвей Криницын.

«Нас спрашивают, зачем мы летим. Отвечаю для тех, кто будет читать это через сто лет: мы летим не для того, чтобы спасти Землю. Земля не просила. Мы летим, потому что человеку нужен горизонт. Если убрать горизонт — человек начинает гнить изнутри. Даже если у него есть еда, вода и крыша. Особенно если у него есть крыша».

— «Гнить изнутри», — повторила Тайра тихо. — Это как?

— Это когда ты делаешь всё правильно, — сказал Август, — и всё равно чувствуешь, что умираешь.

Ким прокрутил дальше.

Запись 047.

«Совет предложил ввести контур одобрения. Говорят, дети слишком много спорят. Говорят, на новом месте нам нужны исполнители, а не философы. Я сказал: вы строите не колонию, вы строите улей. Мне ответили: улей выживает. Я ответил: улей не пишет стихи. Мне ответили: стихи не спасают от голода. Я не нашёл, что сказать. Это было моей ошибкой».

Август почувствовал, как у него пересохло во рту.

— Значит, он был против?

— Он был против, — кивнул Ким. — Но его не послушали. А потом… — Он прокрутил до следующей записи. — Читай.

Запись 051.

«Я встроил в контур резервный режим. Назову его „Автономия“. Регулятор умеет распознавать некоторые признаки самостоятельной работы и постепенно ослаблять ограничение без внешнего подтверждения. Он ошибается, как любой прибор, поэтому серый заряд нельзя считать мерой смелости или доброты. Это всего лишь аварийный выход из зависимости от оценщика. Это не бунт. Это страховка. На новом месте рядом не всегда будут взрослые с планшетами. Иногда единственный, кто может похвалить ребёнка, — это он сам. Если Совет найдёт этот режим — меня вышвырнут. Поэтому я оставляю инструкцию здесь. Для тех, кто будет искать».

Тайра отшатнулась от экрана.

— Он знал, — сказала она. — Он знал, что это отключат.

— Он не просто знал, — сказал Ким. — Он оставил ключ. Вопрос — где?

Август смотрел на экран. Браслет на его руке тихо мигнул. 13%.

— Он оставил его не в машине.

— Почему ты так думаешь? — спросил Ким.

— Потому что журналы правят. Я видел. А бумага… — Он повернулся к ящику с папками. — Бумагу тоже можно

уничтожить. Но её хотя бы нужно найти.

* * *

Они нашли это в третьей папке снизу. Лист, вложенный между схемами орошения. Почерк был мелкий, торопливый, с наклоном вправо.

«Центральным запретом резервный режим можно ограничить, но локальный контур сохраняет короткие окна саморегуляции. Они возникают при самостоятельной работе, которую устройство считает устойчивой. Полностью открыть резерв можно только из сервисной пультовой. Выбор человека не обязан нравиться алгоритму. Если шкала не выросла, это ещё ничего не говорит о человеке».

«Если ты читаешь это — попробуй. Один раз. По-настоящему. И посмотри на браслет».

«М. Криницын, инженер, устал, но не сдался».

— «Устал, но не сдался», — прочитала Тайра. — Это как девиз.

— Это как диагноз, — сказал Ким.

Август свернул лист и положил в карман.

— Нам нужно больше людей, — сказал он.

— Ты с ума сошёл? — Тайра шагнула к нему. — Один человек — это эксперимент. Двое — это сговор. Трое — это заговор. Ты понимаешь, что с нами сделают?

— Понимаю. — Август посмотрел на неё. — А ты понимаешь, что через год мы прилетим на планету, где никто не умеет решать сам? Ты понимаешь, что там не будет Веры Ост

с планшетом? Что там вообще никого не будет, кроме нас?

Тайра открыла рот. Закрыла. Браслет на её руке мигнул — 92%.

— Мне страшно, — сказала она тихо.

— Мне тоже, — сказал Август. — Но я больше не хочу бояться правильно.

Ким хмыкнул.

— Красиво сказал. Запиши. Продадим Совету как слоган.

— Ким.

— Что? Я нервничаю. Когда я нервничаю, я шучу. Это мой автономный режим.

* * *

В коридоре послышались шаги.

Все трое замерли. Ким быстро выдернул чип, экран погас. Август прижался к стене. Тайра прикрыла рот рукой. Шаги были медленные. Тяжёлые. Кто-то шёл по сектору, не включая свет.

Ким одними губами сказал: «Сюда».

Они юркнули за стеллажи. Луч фонаря погас. В темноте было слышно только дыхание — три разных ритма, три разных страха. Пахло пылью и старой землёй. Где-то капала вода.

Дверь в архив открылась. Скрип был тот же, но теперь он звучал как приговор.

В проёме стояла фигура. Невысокая. Прямая. С планшетом в руке, который светился мягким белым.

— Я знаю, что вы здесь, — сказала Вера Ост.

Август почувствовал, как браслет на его руке стал ледяным. 10%.

— У вас три секунды, — сказала она спокойно. — Потом я включу сканер. Сканер найдёт всех. Даже тех, кто очень хочет быть незаметным.

Ким посмотрел на Августа. Август посмотрел на Тайру. Тайра смотрела на пол.

— Одна, — сказала Вера Ост.

Август шагнул из-за стеллажа.

— Мы здесь.

Вера Ост перевела на него взгляд. В полутьме её лицо казалось моложе и усталее, чем на сцене.

— Кто ещё?

— Я, — сказал Ким, выходя.

— И я, — сказала Тайра.

Вера Ост молчала. Планшет светился. Браслеты всех троих тихо мигали в темноте.

— Вы понимаете, — сказала она наконец, — что я могу отправить вас в Центр прямо сейчас?

— Понимаем, — сказал Август.

— И вы всё равно пришли сюда.

— Да.

— Зачем?

Август посмотрел на неё. На её планшет. На её ровные плечи. На её усталые глаза.

— Хотели узнать, зачем построили корабль.

Вера Ост опустила планшет. На секунду — только на секунду — её лицо дрогнуло.

— И что узнали?

— Что его построил человек, который не боялся ошибаться.

Вера Ост закрыла глаза. Медленно. Будто считала до десяти.

— Август, — сказала она тихо, — ты думаешь, я не знаю про Криницына?

В темноте стало очень тихо.

— Я знаю про него больше, чем ты, — продолжила она. — Я читала его дневники. Все. Я знаю про «Автономию». Я знаю, что она работает. И я знаю, почему Совет её отключил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.